

**НАТАЛЬЯ ЩЕТИНИНА,
АРМАВИР**

По образованию я учитель русского языка и литературы, по призванию – художник, в широком понимании этого слова. К счастью или к несчастью, это является основным моим качеством. Не терплю покой, постоянно нахожусь в творческом поиске... Случайно нашла себя в издательстве газеты и поняла, что это моё! Я не профессионал, а только учусь. Но то, чем занимаюсь, доставляет огромное удовольствие.

В 2004 году на базе 7 «В» класса, постоянно нарушающего все уставы и устои гимназии, решено было создать кружок «Юный журналист». Руководителем кружка, естественно, стал классный руководитель, то есть я. Мы стали изучать основные жанры журналистики и организовали гимназическую газету «Большая переменна».

Готовим разные «блюда»:
На горячее у нас подают аналитические жанры: корреспонденция, статья, обзор, рецензии.
На второе – информационные: хроники, интервью, репортажи.
Ну а на десерт – художественно-публицистические жанры: зарисовки, очерки, эссе, фельетон, памфлет.
В Спецвыпуске планируем угостить вас горячим интервью, сочным репортажем, легко перевариваемым очерком, будоражащим мысли и чувства эссе, легким опросом на закуску.
И еще, что придет на ум нашему «многоголовому» шеф-повару.

Курсовая работа

Парадокс № 1. «Ложно, – говорит Сократ». «Истина, – говорит Платон»

Парадокс в более узком и специальном значении – это два противоположных, несовместимых утверждения, для каждого из которых имеются кажущиеся убедительными аргументы.

Наиболее известным и, пожалуй, самым интересным из всех логических парадоксов является парадокс «Лжец». Он-то главным образом и прославил имя открывшего его Евбулида из Милета.

В средние века распространенной была такая формулировка:

– Сказанное Платоном – ложно, – говорит Сократ.

– То, что сказал Сократ, – истина, – говорит Платон.

Возникает вопрос, кто из них высказывает истину, а кто лжет?

А вот современная перефразировка этого парадокса. Допустим, на лицевой стороне карточки написаны только слова: «На другой стороне этой карточки написано истинное высказывание».

Ясно, что они представляют собой осмысленное утверждение. Перевернув карточку, мы должны либо обнаружить обещанное высказывание, либо нет. Если оно написано на обороте, то является либо истинным, либо нет.

Однако на обороте стоят слова: «На другой стороне этой карточки написано ложное высказывание» – и ничего более. Допустим, что утверждение на лицевой стороне истинно. Тогда утверждение на обороте должно быть истинным а, значит, утверждение на лицевой стороне – ложным. Но если утверждение на лицевой стороне – ложным, тогда утверждение на обороте также должно быть ложным, и, следовательно, утверждение на лицевой стороне должно быть истинным. В итоге – парадокс.

Учитель и ученик.

Die deutschen «Accipies» und Magister cum Discipulis-Holzschritte als Hilfsmittel zur Inkunabel-Bestimmung / Schreiber, Wilhelm Ludwig. – Strassburg, 1908

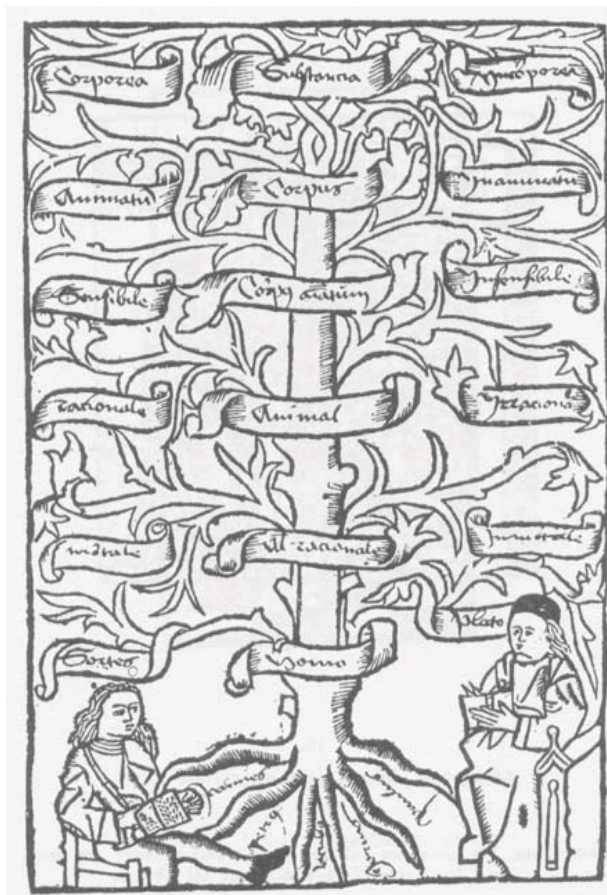


Парадокс № 2. «Я знаю, что я ничего не знаю»

Тот, кто говорит: «Я ничего не знаю», высказывает как будто парадоксальное, внутренне противоречивое утверждение. Он заявляет, в сущности: «Я знаю, что я ничего не знаю».

Но знание того, что никакого знания нет, есть все-таки знание. Значит, говорящий, с одной стороны, уверяет, что никакого знания у него нет, а с другой – самим утверждением этого сообщает, что некоторое знание у него все-таки есть. В чем здесь дело?

Размышляя над этим затруднением, можно вспомнить, что Сократ выражал сходную мысль более осторожно. Он говорил: «Я знаю только то, что ничего не знаю». Зато другой древний грек, Метродор, с полной убежденностью утверждал: «Ничего не знаю и не знаю даже того, что я ничего не знаю». Нет ли в этом утверждении парадокса?



Учитель, ученик
и древо познания.
*Die deutschen «Accipies»
und Magister cum
Discipulis-Holzschnitte als
Hilfsmittel zur Inkunabel-
Bestimmung / Schreiber,
Wilhelm Ludwig. –
Strassburg, 1908*

Парадокс № 3. Magistra vita

Исторические события уникальны. История, если она и повторяется, то, по известному выражению, первый раз как трагедия, а второй – как фарс. Из неповторимости исторических событий иногда выводится идея, что история ничему не учит.

Не является ли такое убеждение внутренне противоречивым? Ведь само оно вытекает из истории в качестве одного из ее уроков. Опять парадокс.



Аллегория на историю Древнего Рима.
Breviarium Historiae Romanae Ad Valentem Augustum Ab Urbe Condita Ad Illus usque & fratris Valentiniani tempora deductum, Atque In Usam Studiosae Juventvtis Plane Et Perspicue Explicatum. – Franckfurt, 1734

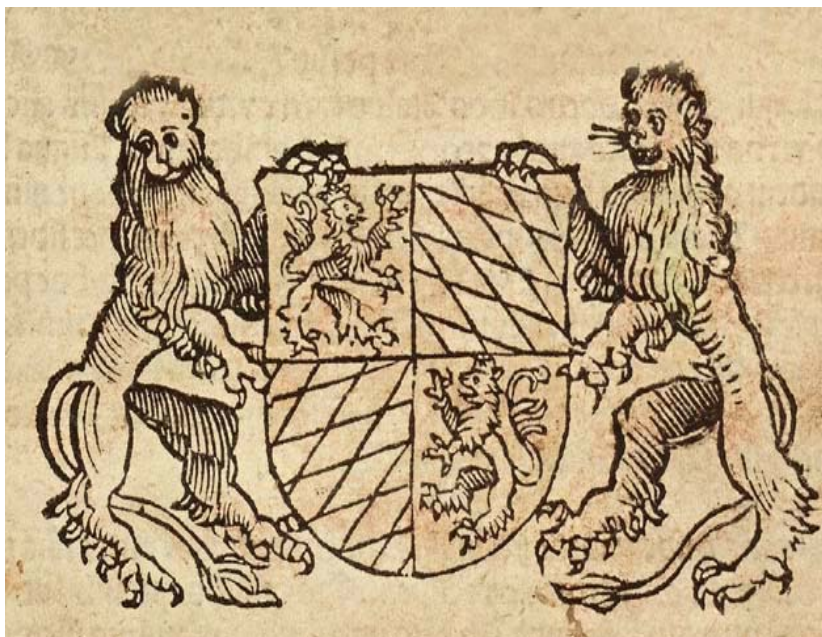
Парадокс № 4. «С одной стороны...», «с другой стороны...»

Помните описание Н.В. Гоголем игры Чичикова с Ноздревым в шашки? Их партия так и не закончилась, Чичиков заметил, что Ноздрев мошенничает, и отказался играть, опасаясь проигрыша.

Допустим, что Чичиков все-таки продолжил игру и в конце концов выиграл партию, несмотря на плутовство партнера. По уговору проигравший Ноздрев должен был отдать Чичикову пятьдесят рублей и «какого-нибудь щенка средней руки или золотую печатку к часам». Но Ноздрев, скорее всего, отказывался бы платить, упирая на то, что сам всю игру мошенничал, а игра не по правилам – как бы и не игра.

Чичиков мог бы возразить, что разговор о мошенничестве здесь не к месту: мошенничал сам проигравший, значит, он тем более должен платить. В самом деле, должен был бы платить Ноздрев в подобной ситуации или нет? С одной стороны – да, поскольку он проиграл. Но с другой – нет, так как игра не по правилам – это вовсе и не игра; ни выигравшего, ни проигравшего в такой «игре» не может быть.

Здесь ощущается что-то парадоксальное: «с одной стороны...», «с другой стороны...», и притом, в равной мере убедительно, хотя эти стороны несовместимы.



Два льва с гербом
*Grammatica omnium
vtilissima et brevissima:
mirabili ordine composita.* –
Aventinus, Johannes, 1513

Парадокс № 5. «Новое» не является новым, «горячее» – горячим

Интересный логический парадокс был открыт немецкими логиками К. Греллингом и Л. Нельсоном (парадокс Греллинга). Некоторые слова, обозначающие свойства, обладают тем самым свойством, которое они называют. Например, прилагательное «русское» само является русским, «многосложное» – само многосложное. Такие слова, относящиеся к самим себе, называются самозначными, или аутологическими.

Подобных слов не так много, в подавляющем большинстве прилагательные не обладают свойствами, которые они называют. «Новое» не является, конечно, новым, «горячее» – горячим, «однослоговое» – состоящим из одного слога, а «английское» – английским. Слова, не имеющие свойства, обозначаемого ими, называются инозначными, или гетерологическими. Очевидно, что таковыми являются все прилагательные, обозначающие свойства, неприложимые к словам.

Это разделение прилагательных на две группы кажется ясным и не вызывает возражений. Оно может быть распространено и на существительные: «слово» является словом, «существительное» – существительным, но «часы» – это не часы, и «глагол» – не глагол.

Парадокс возникает, как только задается вопрос: к какой из двух групп относится само прилагательное «гетерологическое»? Если оно аутологическое, но обладает обозначаемым им свойством, то должно быть гетерологическим. Если же оно гетерологическое, но не имеет называемого им свойства, то должно быть поэтому аутологическим. Налицо парадокс.



Учителю в его труде
хорошие помощники
нужны.
Speculu[m] humane vite.
Rodericus. – Augspurg, 1488

Парадокс № 6. Лошадь с хвостом и лошадь без хвоста...

Большинство понятий не только естественного языка, но и языка науки являются нечеткими, или, как их еще называют, размытыми. Возьмем, к примеру, понятие «куча».

Одно зерно (песчинка, камень) – это еще не куча. Тысяча зерен – это уже, очевидно, куча. А три зерна? А десять? С прибавлением какого по счету зерна образуется куча? Не очень ясно. Точно так же, как не ясно, с изъятием какого зерна куча исчезает.

Хорошим примером того, что эти понятия способны приводить к неразрешимым спорам, может служить любопытный судебный процесс, состоявшийся в 1927 г. в США. Таможенники категорически отказались признать абстрактные творения скульптора Бранкузи художественными произведениями. Они провели их по графе «Металлическая бытовая утварь и предметы домашнего обихода» и наложили на них большую таможенную пошлину. Возмущенный Бранкузи подал в суд.

Скульптура по традиции считается видом изобразительного искусства. Но степень подобия скульптурного изображения оригиналу может варьироваться в очень широких пределах. И в какой момент скульптурное изображение, все более удаляющееся от оригинала, перестает быть произведением искусства и становится «металлической утварью»?

На этот вопрос так же трудно ответить, как на вопрос о том, где проходит граница между домом и его развалинами, между лошадью с хвостом и лошадью без хвоста...

Лошадь.
Anweisung zu der Zeichenkunst derer Vierfüßigen Thiere, wie solche nach bestimmten Regeln aus der Geometrie u. Perspectiv auf eine leichte Art zu Zeichnen sind. – Werner, Georg Heinrich, 1766

